

ПОЭТИКА

УДК 82-1 + 82-92 + 821.161.1-1 Быков Д. + 821.161.1-1 Бродский Т. А. Глебович

БЫКОВ VS БРОДСКИЙ: КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ В РАМКАХ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Поэтические тексты блога Д. Быкова анализируются в контексте поэтической традиции И. Бродского. Рассматривается процесс совмещения публицистической поэтической формы с классическим для XX в. уровнем поэтического мышления. Отсылки к претекстам, узнаваемые способы поэтических высказываний включают поэтические тексты блога и газеты в контекст мировой литературы, формируют диалогические отношения между поэтами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: блог; поэтический фельетон; диалог; взаимодействие; традиция; аллюзии; конфликт; ирония; сатира; восприятие текста.

Изученность творчества Д. Быкова впечатляет. Стратегии текста [11], авторское поведение, речевое творчество, особенности идиостиля [20], образ быковского текста [9] — перечисление всех подходов к творчеству писателя, публициста, поэта может стать отдельной темой. Большинство исследователей рассматривают произведения Быкова как медиатексты (чем они и являются), но отмечается в работах и «литературоцентричность» [10] автора, что порождает желание обратиться к стихотворениям блогов с точки зрения поэтической традиции.

Любое стихотворение блога впечатляет литературной эрудицией. Сложная и разнообразная система аллюзий, прямые отсылки к поэтическому претексту, ритмометрические узнаваемые заимствования, образные и тематические включения охватывают, наверное, значительную часть истории литературы. Пушкин, Некрасов, Щедрин, Маяковский, Есенин, Ахмадулина, Вознесенский. Присутствие отсылок к названным и многим другим авторам — это своеобразный урок литературы (и отечественной, и зарубежной), который Быков преподносит своему читателю. В публицистическом тексте (которые представляют стихотворения

ГЛЕБОВИЧ Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Югорского государственного университета (e-mail: tatanova11@gmail.com).

© Глебович Т. А., 2017

блага) этот урок может выполнять множество функций: просвещать, посвящать, интриговать, отражать позицию автора, работать на образ поэта-публициста-профессора. И формировать (с точки зрения банальной логики) особые диалогические отношения между двумя поэтами XX в.

Общеизвестно, что личная литературная энциклопедия И. Бродского избыточна. Мировая литература от шумерской мифологии до отечественных и европейских литературных феноменов XX в. включена в культурологическое (поэтическое) пространство классика.

Избыточен и жанровый арсенал поэта. Бродский работает с возможностями лирической формы, актуализирует в литературном процессе XX в. жанры, ведущие свою историю от разных эпох и типов культурного сознания. Также И. Бродский привносит в литературу формы из делового, научного, публицистического, художественного обихода (доклад, примечания, ответ на анкету, пейзаж, *bagatelle*, блюз).

Д. Быков осложняет публицистику формой ультралитературной, сопровождает некоторые свои стихотворения-фельетоны и поэтические памфлеты лирическими жанровыми заголовками (баллада, песня) или прозаическими (сказка), использует в качестве заголовка повседневные речевые формы (записка), музыкальные (блюз) и культовые (апокриф) жанровые обозначения. Разумеется, основа стихотворного фельетона или памфлета — тотальная сатира [19] превращает жанровый заголовок в одну из коммуникативных медийных стратегий, но за литературной игрой остается узнаваемая структура исходной формы.

Различие модусов (ирония — сатира) и при этом сходство образов Д. Быкова и И. Бродского (поэт — профессор), зараженность «нормальным классицизмом» [2] и учительский, а точнее профессорский, пафос — с этих исходных позиций можно было бы рассматривать преемственность и формы диалогического взаимодействия знаковых героев определенного литературного времени, если бы не общеизвестная лекция Д. Быкова [6] о И. Бродском и полное отрицание заслуг и роли классика в литературном процессе XX в.

Никак не пытаюсь комментировать содержание быковской лекции (содержательное наполнение — сфера личных пристрастий, взглядов, установок автора), попробуем высказать свое предположение о ее отдаленных истоках и об определенных формах взаимодействия (диалога) поэтов за рамками частного случая разгромной критики.

В художественном мире И. Бродского преемственность, продолжение какой-либо художественной линии не бывает мягким, стыковочным. Процесс развития лирического образа, жанровой традиции, идеи или сюжета построен на жестком сопоставлении, в каком-то случае на конфликте, на выраженном различии сознаний и вместе с тем на общем опыте, на сходстве лирической ситуации.

Многие исследователи И. Бродского отмечают, что своей открытостью к культурному диалогу [16] поэт создает некий литературный прецедент — прецедент подчеркивания диалогических отношений. На этом моменте остановимся подробнее.

Диалог проявляется у И. Бродского на уровне формы построения самого художественного (лирического) текста и на уровне межтекстовых связей и аллюзий.

То, что это именно диалог, подтверждает качество «чужого» слова у И. Бродского. Чужое слово сохраняет свой смысл и облик, но его контекст предельно авторизуется поэтом, обозначая и взаимодействие, и противостояние между двумя авторами, эпохами, культурами.

Так, профессор О. Мороз [17] отмечает, что диалогическая направленность И. Бродского многолика, может иметь разные формы выражения. В качестве примера исследователь приводит историю создания большого стихотворения «Горбунов и Горчаков». Последнее явилось своеобразной иллюстрацией точки зрения поэта на диалогическое начало в поэзии. Отправной точкой для этой иллюстрации послужила внутренняя полемика И. Бродского с некоторыми положениями М. Бахтина [Там же].

Также можно говорить о диалогическом характере взаимодействия Бродского с поэтическими текстами предшественников. В этом контексте следует вспомнить о своеобразном диалоге с Вергилием в жанре эклоги [14] или о том же способе продолжения традиции Джона Донна [18]. Д. Ахапкин отмечает [1], что все творчество Бродского подчинено одной филологической метафоре «Мир есть текст». С этим остается только согласиться и припомнить высказывание самого поэта: «Подлинный поэт не бежит влияний и преемственности, но зачастую лелеет их и всячески подчеркивает. Нет ничего физически (физиологически даже) более отрадного, чем повторять про себя или вслух чьи-либо строки. Боязнь влияния, боязнь зависимости — это боязнь — и болезнь — дикаря, но не культуры, которая вся — преемственность, вся — эхо» [3].

С точки зрения взаимодействия с традицией, с тем или иным культурным следом можно рассмотреть любое стихотворение, эссе, лекцию или речь И. Бродского. Казалось бы, здесь между двумя поэтами пролегает граница. Лекция Д. Быкова предлагает жесткие оценки творчества Бродского и подводит черту под его эпохой. Но Д. Быков, как уже отмечалось, часто дает своим поэтическим фельетонам лирические жанровые обозначения (публикации «Новой газеты», объединенные в сборник «Если нет» [7], тому подтверждение). Отсылки современного поэта к другим произведениям включают в себя формы взаимодействия, уже представленные поэтом-предшественником, даже сама лекция Д. Быкова предстает произведением и научного, и риторического (инвектива) жанров. Представляется, что благодаря жанровой двойственности лекция-инвектива начинает работать на бродскую традицию больше, чем разрушать ее. У И. Бродского можно найти произведения-обвинения, достаточно вспомнить жесткое и бранящее «Письмо в оазис» [2], сочетающее эпистолярную откровенность и жесткость разгромной речи.

Сходство после различия обуславливается еще и тем, что фактология критических высказываний Д. Быкова представляет собой разговор о структурно значимых для художественного мира И. Бродского явлениях. Если убрать негативную оценку, то разговор может идти в русле анализа и критики художественного мира И. Бродского. Иными словами, речь снова пойдет о диалоге поэтов, хотя и неконструктивном. Если к этому прибавить знаменитое высказывание И. Бродского о подчинении любого автора стихии языка, на котором он пишет, то можно предположить, что диалогические преемственные отношения между

поэтами развиваются в рамках стихотворных публицистических текстов Д. Быкова помимо воли поэта-критика.

Политические стихи Д. Быкова уже стали культурным прецедентом. И дело не только в том, что, по определению самого поэта, гражданская позиция является лучшей формой лирики. Внутри самой лирической формы идет процесс совмещения с предшествующим словом, с классическим для XX в. уровнем поэтического мышления.

Взаимодействие с предшествующим словом включает поэтические фельетоны Д. Быкова в контекст определенной традиции, определенного поэтического формата, предполагающего полилог культур, стилей, исторических периодов. Узнаваемые способы поэтических высказываний определяют вектор, форму и глубину разработки проблемной ситуации стихотворения-фельетона, совмещают его с «далекой» лирической ситуацией, превращают в реплику в глобальном межкультурном диалоге.

Подтвердить предположения можно на нескольких примерах диалогической приемственности (взаимодействия).

Стихотворный пост «*И наконец я объяснил себе...*» [4]. Выбор примера обусловлен ассоциативно-тематическими связями стихотворения-фельетона с некоторыми стихами Бродского и эпизодом синтаксического заимствования.

Поэтический отклик на двусмысленную ситуацию (современная версия троянского коня от ФСБ) представляет собой едкий саркастический комментарий (вполне в духе «Представления» Бродского, только в другой метrorитмической организации): *...И наконец я объяснил себе, / Вникая в сетевые холивары: / Шпион не страшен. Бойся ФСБ, / В подарок приносящей самовары!* [4]. Кроме того, заявленная тема невольно включает в сознании сатирический пафос и исторический контекст «Лесной идиллии», логически сводимый к язвительной (очень бродской) рекомендации «*...принять лекарство от судьбы и государства*» [2]. Названные ассоциации работают на исходный публицистический жанр стихотворения-фельетона (участвуют в реализации жанровой интенции и соединяют разные формы комического) и на диалог как с поэтом-предшественником, так и с читателем. Заметим к слову, что сам Д. Быков говорит о том, что есть определенная часть аудитории, живущая «по Бродскому» [6].

Преднамеренно прямолинейная антитеза «они — ты» сводится к нравованию (наставлению): *Когда они придут на торжество / И станут поздравлять тебя игриво, / Ты братъ у них не должен ничего: / Ни пачки чая, ни бутылки пива* [4]. Подчеркнутое «ты» намекает на банальное бытовое «правило жизни» и заставляет вспомнить о «Назидании» Бродского [2], но не становится репликой в диалоге. «Назидание» по стилистике и пафосу находится далеко от фривольной ситуации поздравления с подвохом.

Обращение к недавней истории усиливает публицистическую направленность текста, выражает авторское (и рациональное, и эмоциональное) отношение к событию: *Британская разведка, например, / Семь лет назад беды не прозевала: / Охраны королевской офицер / Тогда не взял у русских самовара* [4]. Разговор идет, о чем положено: о спецслужбах, политике, разведке и дворцово-политических

интригах. Сарказм и пафос игры в простую речь («беда не прозевала» [4]) подчеркивают стилевую принадлежность текста (иронический аналитический комментарий в блоге) и его исходный жанр (фельетон).

Следующая строфа по логике текста должна стать аналитическим обобщением: *Всё с микрофоном: соль, букет, еда, / Рука, перчатка, простыня, подушка... / Вам кое-что засунут кой-куда / (Пусть по любви) — у них и там прослушка!* [Там же]. Меняет картину мира в приведенном отрывке узнаваемый классик. Если оттолкнуться от лекции Д. Быкова, то данные строки не более чем откровенная пародия. Если вспомнить про жанр синтаксически цитируемого стихотворения (элегия), то можно сказать о парадоксальном жанровом взаимодействии. Элегия с ее жанровой интенцией предполагает определенную форму прощания с чем-либо. (Особо отметим, что элегия Бродского восходит к элегии барокко и дополняется жанром эпитафии.) Синтаксическая цитата из элегии преобразует текст Быкова. Однородный ряд «прослушки» разрывает шаблон блогерской аналитики, добавляет в нее и метафизику, и фантазмагории, и новых ресурсов для выражения идей стихотворного фельетона.

Отсылка к прецедентной элегии, во-первых, заставляет попрощаться с любыми нормами и правилами (с правилами политической игры и нормами жизни, в которой социальная реальность перечеркнула все лирические аспекты). Разрыв шаблона представлений о мире уже случился в «Большой элегии Джону Донну» Бродского. Во-вторых — разворачивает разговор о смутных исторических временах в сторону истории и истории культуры. Д. Донну так же, как и Бродскому, есть, что добавить по поводу неуправляемых социальных событий, по поводу законов жизни без каких-либо правил и ограничений (этических, эстетических, даже бытовых). В-третьих, поэтический диалог (даже полилог, может быть, даже «батл» в современной терминологии) запускает на нужные обороты сознание читателя. Он становится тем самым «ускорителем» (Бродский), который позволяет читателю более полно увидеть происходящее, и, главное, провоцирует его (читателя) на формирование своей позиции, на интерактивное восприятие прочитанного. Иными словами, диалог (полилог) поэтов становится особой разновидностью эмоционально продуктивной ситуации, формой речевой провокации, которая в полной мере начинает работать на диалогичность публицистическую (не оставляющую никому из участников шанса отмолчаться).

С точки зрения литературного рассмотрения, обсуждаемая ситуация и сама тема разговора превращаются в лирическое событие — встречу индивидуального и надындивидуального опыта [15]. Это событие становится кульминацией стихотворного фельетона, по форме — жестким, сексистским политическим анекдотом, дополняющим фельетон и работающим на подтекст ситуации.

Для разговора о подтексте следует обратиться к единству стихотворений Д. Быкова последних полутора-двух лет. Одним из ведущих мотивов в них становится мотив порочного развития политической, социальной, управленческой ситуации в стране и, как следствие, попытки найти логику и смысл там, где их не может быть. Подобные поиски (бесплодные и напрасные) порождают чувство отчаяния, заменяемого на сарказм. С подобной картиной мира как раз и сходна

картина мира из «Большой элегии Джону Донну» И. Бродского. Лирический герой И. Бродского преодолевает уже произошедшее расставание с жизнью, герой Быкова — отсутствие жизни при жизни.

Продолжение фельетона-стихотворения — констатация фактов социальной реальности: *Повсюду их назойливая рать / Пытается подsunуть банный веник, / Прослушкой фаршированную ..., / Печатный пряник или пачку денег* [4]. В мире социальной реальности, свободной от норм и правил, происходят тайные движения и рождаются мифы о всеисилии спецслужб. Во вторичной художественной реальности продолжается представление (с маленькой буквы и в своем словарном значении) и диалог поэтов. Кстати, и «Представление» играет свою роль в процессе констатации социальных фактов. Прецедентные образы (*банный веник, фаршированная ..., печатный пряник, пачка денег*) формируют тот самый социальный «лубок», о котором уже сказал однажды Бродский [2].

Финал фельетона носит рекомендательный и поучительный (дидактический) характер: *Нет, братья у них не надо ничего, / Чтоб горе к вам потом не привязалось. / Вот в президенты взяли одного — / Казалось, это дар. / А оказалось...* [4]. Здесь присутствует и образ автора — профессора, наставляющего свою аудиторию, и прозрачный бэкграунд этого образа, и синтаксически выраженное диалоговое окно, дающее право реплики или комментария читателю. Историко-литературное наполнение понятия «дар», все его ассоциативные связи также работают на учительский профессорский образ автора, уравнивают его с поэтом-классиком и рискуют затронуть в одном ряду с Бродским еще одно великое имя.

Итак, рассмотренный пост Д. Быкова (поэтический фельетон с элементами иронического комментария) выстраивается через диалогическое взаимодействие с поэтическими формами и образами И. Бродского. Диалог поэтов создает эмоционально продуктивную ситуацию, работающую на максимально откровенный диалог с читателем. Союз риторики и лирики провоцирует читателя на саркастическую рефлексию и ироническое восприятие явлений социальной реальности. В то же время поэтический диалог позволяет современному социально ориентированному (и лирическому) сознанию найти точку опоры там, где «надежды нет». Диалог И. Бродского с эпохой барокко, в свою очередь, адаптируется в новом социальном контексте и связывает этот контекст с историей.

Еще один пример — стихотворение Д. Быкова «*Не надо думать, что в аду...*». Стихотворение входит в сборник «Если нет», в котором объединены публицистические стихи, представленные «Новой газетой». Выбор примера обусловлен тематическим и идейным диалогическим взаимодействием текста с образом лирического героя в одном из стихотворений И. Бродского.

Отметим, что названное стихотворение развивает мотивы и особый саркастический пафос, характерные для лирики Д. Быкова определенной (посмертной) направленности. В случае «газетного» стихотворения весь предшествующий лирический потенциал включается в работу на публицистическую идею.

Стихотворение строится на сопоставлении образов социальной реальности и метафизического ада: *Не надо думать, что в аду / Случится что-то вроде мести: / Мы будем там в одном ряду, / Все вместе* [5]. Далее следует демонстрация будней

ада: *Палач, игравший тут бичом, / С казненным в шахматы играет. / У жертвы общий с палачом / Бэкграунд* [Там же]. Узнаваемые аллюзии (шахматы палача и казненного, отсылающие к «Седьмой печати» и «Ночному портю», тобольский тракт, напоминающий о всей русской истории ссылок и каторги) объясняются психологическим феноменом (стокгольмский синдром) и ставят общественным отношениям посмертный диагноз.

Социальные шаблоны и личные комплексы, попытки выяснить, «кто виноват», и просто выяснить отношения укладываются в меткую формулу «виновны все — или никто»: *Виновны все — или никто, / И если в ад пойдут — то все уж* [5]. Быков-блогер саркастически анализирует попытки найти виновных и крайних, начать жить в соответствии с идеями и решить социальные проблемы с применением справедливости. Быков-поэт ставит вечный риторический вопрос: *Через какое решето / Просеешь?* [Там же].

Поэтическая риторика не проходит для публицистики даром. Она напоминает о традиции и другом поэте-риторе, но включает в диалог поэтов дальнейший анализ социальных процессов: *Мы были связаны стыдом, / Нас тряс с тобою тракт Тобольский — / Стокгольмский, так сказать, синдром. / Стобойский* [Там же]. Тезис о «стобойском» синдроме требует аргументов. Автор щедр на доказательства, он подробно перечисляет соучастников (вместе сидевших, бывших и терпевших) и представляет характер их отношений: *В одной грязи, в одном дерьме, / В одной крови на самом деле — / В конце концов, в одной тюрьме / Сидели* [5]. Аргументы не только доказывают тезис, но порождают ситуацию дежа вю, провоцируют заочную дискуссию о наиболее сильных формах разговора о насущных проблемах. В другой ритмике и стилистике, с другим пафосом про «сядем вместе» уже было сказано: *Она: Я твоя, как вдох озона. / Нас разлучит только зона. / Он: Я, пастушка, твой до гроба. / Если сядем, сядем оба. / Вместе: Тяжелы статей скрижали. / Сядем вместе. Как лежали* [2]. Пафос подлинных, своими именами названных страданий и едкая издевательская сатира соединяются в «стобойском» синдроме. Таков результат коллективных усилий — и общественных, и художественных.

Ад, в который поместят всех, по Д. Быкову, естественное продолжение социальных процессов, зона коллективной ответственности. В его пространстве сближаются не только жители одной страны, члены одного социума, но и представители разных обществ и цивилизаций. Например, Младший брат (порождение заокеанского рая и авторской воли Кори Доктору [8]) тоже оказывается в общем ряду и в общем состоянии ада. Ад не имеет характеристик, границ и внутреннего содержания. Он равен неопределенному местоимению и призван выполнить одну миссию — продлить социальные отношения, перевести их в понятие «вечность».

На этом понятии («вечность») собственно заканчивается монолог поэта-блогера и начинается конфликт поэтических интересов. Сам образ героя, помещенного в никуда, в ад [12] (прижизненный или посмертный)¹, хорошо знаком читателю

¹ Отметим, что, соглашаясь с определением Р. Измайлова понятия «ад» применительно к состоянию лирического героя, мы все же используем названное определение в метафизическом, но не религиозном смысле. В этом случае нам близка мысль М. Крепса о том, что в основе переживания героя «Лагуны» лежит глубочайшее одиночество [13]. Собственно «ад» предстает следующей ступенью этого состояния.

по стихотворению И. Бродского «Лагуна»: *И восходит в свой номер на борт по трапу / постоялец, несущий в кармане граппу, / совершенный никто, человек в плаще, / потерявший память, отчизну, сына; / по горбу его плачет в лесах осина, / если кто-то плачет о нем вообще* [2]. Версии ада Д. Быкова и И. Бродского сходны потерей имени героя и его обезличиванием («совершенный никто» у Бродского и безымянные и безликие «все вместе» у Быкова), различны — формой ответственности за произошедшее. У Быкова ад — порождение коллективного разума и коллективных усилий, у Бродского — результат индивидуальной «частной» жизни. Можно подтвердить сказанное выразительными средствами поэтических текстов. И. Бродский в завершение психологического портрета лирического героя использует сложную, сугубо литературную систему парафраз (в них реализуются темы Родины, наказания и одиночества) [13], передает игру частных размышлений. Быков повторяет и выделяет в своем тексте подчеркнуто разговорные «все вместе», «там», иронизируя и заставляя читателя согласиться с перспективой общей посмертной судьбы без лишних раздумий.

Ад Быкова — порождение и продолжение социальной реальности, крах культурных иллюзий и традиций. Он лишен метафизического ореола и представлен как место обитания. Это, возможно, ад из атеистического анекдота — плоский и без декораций, в котором есть только одно относительное достоинство — наконец-то наступившее бесконфликтное сосуществование: *О чем мечтает младший брат, / Какую муть воображает? / Как рай — не ведаю. Но ад / Сближает* [5]. Этот ад противоположен метафизическому аду Бродского, как и культурная ситуация, его породившая.

Ад Бродского — результат индивидуального (даже индивидуалистического) опыта и развития. Он следствие личного познания мира и частной житейской катастрофы, он — результат конфликта героя с социумом, вынужденной смены социума и глубочайшей личной драмы по этой причине.

Диалог как жанр речи предполагает наличие общей базы опыта участников. И у Д. Быкова, и у И. Бродского этим опытом становятся взаимоотношения героя (лирического героя у Бродского) с социальной реальностью. Социальная реальность определяет вектор судьбы героя, провоцирует личную или общественную катастрофу, приводит героя (героев у Д. Быкова) к духовному краху, несет в себе пафос безвозвратного похода ко дну. На этом общем опыте развиваются и диалогические литературные отношения, и традиция разговора о вовсе не литературных проблемах.

Итак, в рассмотренном публицистическом стихотворении диалогическое взаимодействие двух поэтов работает на идейный потенциал и публицистический анализ, касающийся социальных перспектив, и на своеобразный эксперимент. Читателю, по определению ставшему участником диалога, предоставляется шанс поразмышлять, поиронизировать и выбрать свой путь и форму существования, но при этом изначально знать, где закончится свобода выбора.

Рассмотрение творческого взаимодействия, преемственности с точки зрения диалогических отношений может быть продолжено многими примерами и более детальным анализом текстов. Попытка увидеть поэтический текст блога (или

газеты) через литературный бэкграунд и взаимодействие с определенной традицией предоставляет новые возможности для восприятия публицистического текста, привлекает внимание к его культурологическим и литературным ресурсам.

В заключение отметим, что лекция-инвектива Быкова не только провоцирует заочный «батл» поэтов, она работает (как и положено лекции) на читательский отклик. В этом смысле хотелось бы поблагодарить Дмитрия Быкова за два момента: за предоставленный выбор (ввязаться в «холоivar» по поводу классика или попытаться проследить сложное взаимодействие двух литературных величин) и за эмоционально травматичный информационный повод, заставляющий внимательно перечитать Бродского.

1. *Ахапкин Д.* «Филологическая метафора» в поэтике Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/twenty/brodsky/ahapkin.htm> (дата обращения: 20.03.2017).

2. *Бродский И.* Стихотворения и поэмы (основное собрание) : [Библиотека Максима Мошкова : электрон. б-ка]. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt (дата обращения: 05.03.2017).

3. *Бродский И.* Проза и эссе (основное собрание) : [Библиотека Максима Мошкова : электрон. б-ка]. URL: http://www.lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt (дата обращения: 05.03.2017).

4. *Быков Д.* Бойся ФСБ, в подарок приносящей самовары! [Электронный ресурс] // Личный блог Дмитрия Быкова на сайте радио Эхо Москвы. 2016. 13 окт. URL: http://echo.msk.ru/blog/bykov_d/1854962-echo/ (дата обращения: 10.04.2017).

5. *Быков Д.* Палач, игравший тут бичом, с казненным в шахматы играет [Электронный ресурс] // Новая газета. 2015. 21 дек. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/12/21/66888-iz-liriki-eto-y-zimu> (дата обращения: 28.02.2017).

6. *Быков Д.* Лекция «Бродский: ссылка» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=THDagIwUG0g> (дата обращения: 06.03.2017).

7. *Быков Д.* Если нет [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-bykov.livejournal.com/2699541.html> (дата обращения: 20.03.2017).

8. *Доктороу К.* Младший брат [Электронный ресурс]. URL: <http://knizhnik.org/kori-doktorou/mladshij-brat/1> (дата обращения: 20.03.2017).

9. *Товорухина Ю. А.* Литературно-критическая стратегия Дмитрия Быкова: от текста к образу текста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/23.html> (дата обращения: 20.03.2017).

10. *Григорьева Е. А.* Автокомментарий как составляющая творческого поведения Дмитрия Быкова : [КиберЛенинка : электрон. б-ка]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtokommentariy-kak-sostavlyayuschaya-tvorcheskogo-povedeniya-dmitriya-bykova> (дата обращения: 20.03.2017).

11. *Заярная И. С.* Стратегии прозаизации и повествовательный дискурс в поэзии Дмитрия Быкова [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/105498/02-Zayarnaya.pdf?sequence=1> (дата обращения: 06.03.2017).

12. *Измайлов Р.* Библейский текст в творчестве Бродского: священное время и пространство [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2008. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/5/iz13.html> (дата обращения: 25.03.2017).

13. *Крепс М.* О поэзии Иосифа Бродского : [Библиотека Максима Мошкова : электрон. б-ка]. URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/kreps.txt> (дата обращения: 25.03.2017).

14. *Медведева Н. Г.* И. Бродский и античная буколическая традиция : [КиберЛенинка : электрон. б-ка]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/i-brodskiy-i-antichnaya-bukolicheskaya-traditsiya> (дата обращения: 10.04.2017).

15. Мельникова И. М. «Лирическое событие» как граница: специфика и состав (на материале лирики Й. Бобровского) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 06.03.2017).

16. Мищенко Е. В. Диалог культурных традиций в поэтическом мире И. А. Бродского : [dissercat : электрон. б-ка дис.]. URL: <http://www.dissercat.com/content/dialog-kulturnykh-traditsii-v-poeticheskom-mire-ia-brodskogo> (дата обращения: 01.04.2017).

17. Мороз О. Н. «Большое стихотворение» И. А. Бродского «Горбунов и Горчаков» и книга М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» [Электронный ресурс]. URL: http://zar-literature.ucoz.ru/sovrg_poetry/bolshoe_stikhotvorenie-i-a-brodskogo-gorbunov_i_go.docx (дата обращения: 28.02.2017).

18. Нестеров А. Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии» [Электронный ресурс]. URL: http://www.niworld.ru/Statei/annesterov/J_Donne_Brodsk/J_D_Vr.htm (дата обращения: 28.02.2017).

19. Таран А. В. Дмитрий Быков. Литератор [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/althome/news/KVM_archive/articles/2011/04/2011-04_r_kvms8.pdf (дата обращения: 28.02.2017).

20. Туранова А. Ю. Особенности употребления экспрессивных синтаксических построений в устной и письменной речи Д.Быкова [Электронный ресурс]. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_12-2_50.pdf (дата обращения: 06.03.2017).

Статья поступила в редакцию 18.04.2017 г.